

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-4.1>

УДК 330.3

JEL P16, P26

После рынка: рождение новой [пост]экономики¹

Александр В. БУЗГАЛИН¹⁾ , **Ольга В. БАРАШКОВА**²⁾ ^{1, 2)} МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Бузгалин, А. В., Барашкова, О. В. (2023). После рынка: рождение новой [пост] экономики. *AlterEconomics*, 20(4), 731–750. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-4.1>

Аннотация. Статья обращает внимание на зарождение внутри уходящей системы «позднего капитализма» новых форм, обеспечивающих переход к пострыночным и посткапиталистическим отношениям. Для исследования этого процесса используется диалектический метод, характерный для постсоветской школы критического марксизма. Он позволил, во-первых, выявить качественные изменения в развитии экономики и становление пострыночных и посткапиталистических отношений, характерных для новой системы «посткапитализма» и, во-вторых, обозначить и исследовать противоречия прогресса и регресса в ходе трансформации рынка и капитала в новую систему. В статье на основе обобщения практик XX–XXI вв. выделяются основные направления перехода к пострыночным и посткапиталистическим отношениям. К ним отнесены: отношения общественного регулирования экономики в таких формах, как активная промышленная политика, планирование и др.; рост общественных форм использования создаваемых благ, включая различные виды общественной собственности, обеспечение общедоступности ключевых ресурсов развития, таких как образование, здравоохранение и др., распространение «экономики солидарности» и трансформация отношений собственности в информационной сфере; более активное перераспределение части прибыли и ренты на цели общественного развития, в частности, через прогрессивный налог на доходы и наследство; декларируемый приоритет эко-социогуманитарных целей воспроизводства и снижение роли стоимостных показателей как основного критерия успеха экономических систем. На основе проведенного исследования подтверждается ранее высказанный авторами тезис, что объективно обусловленное развитие пострыночных и посткапиталистических отношений способствует прогрессу социально-экономических систем.

Ключевые слова: политическая экономия, рынок, товар, капитал, пострыночные отношения, [пост] экономика, посткапитализм, общественное регулирование, общественная собственность, социальная справедливость, творчество

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00508, <https://rscf.ru/project/23-18-00508/>.

¹ © Бузгалин А. В., Барашкова О. В. Текст. 2023.

After the Market: The Birth of a New [Post]Economy

Aleksandr V. BUZGALIN ¹⁾ , Olga V. BARASHKOVA ²⁾

^{1, 2)} *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

For citation: Buzgalin, A. V., & Barashkova, O. V. (2023). After the Market: The Birth of a New [Post] Economy. *AlterEconomics*, 20(4), 731–750. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-4.1>

Abstract. The article seeks to argue that within the framework of late capitalism, referred to as the modern economy, there exists a genesis of relations transitioning towards the post-market and post-capitalist phases. The study relies on the Post-Soviet School of Critical Marxism, employing a dialectical method, to support and justify this viewpoint. This method reveals qualitative changes in economic development, specifically the emergence of relations distinct from commodity production, embodied in the market and capital. Elements of the "new" system (post-capitalism) are observed within the "old" system (capitalism), leading to contradictions in the transformation of market and capital into a new system. Drawing from practices spanning the twentieth and twenty-first centuries, the article identifies key blocks of transitional relations: forms of public regulation, the development of public goods, various types of public property, accessibility of essential resources, a solidarity economy, and progressive taxation for social development. In conclusion, the article asserts that the objectively determined development of post-market and post-capitalist relations contributes to the progress of socio-economic systems, building on the authors' earlier argumentation of this thesis.

Keywords: political economy, market, commodity, capital, post-market relations, [post]economy, post-capitalism, public regulation, public property, social justice, creativity

Acknowledgments: The research was funded by the Russian Science Foundation, the project No. 23-18-00508, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00508/>.

1. Введение

Неутихающие дискуссии о природе технологических и социально-экономических трансформаций последних десятилетий и нарастающие международные конфликты привели к постепенному пониманию едва ли не большинством критически мыслящих ученых того, что существующая система находится в глубоком кризисе. Причем ряд исследователей не боится называть это кризисом капитализма, хотя в других случаях речь идет только о существующей модели этой общественной системы и необходимости ее трансформации. Несмотря на то, что слово «капитализм» так или иначе в этом присутствует, и, например, даже в работах такого в прошлом адепта существующей системы, как К. Шваб, звучит необходимость перехода к новой модели капитализма (в частности, «инклюзивного капитализма» (Schwab & Malleret, 2020), для разработки этой новой модели мобилизованы значительные интеллектуальные и материальные ресурсы.

Параллельно существуют авторы, рассматривающие данный переход как генезис посткапиталистических отношений, и по этому поводу идет весьма активная дискуссия, которая началась еще в XX в. (Иноземцев, 1998¹; Drucker, 1993), однако в современных условиях эта дискуссия приобрела новые аспекты и акценты. Среди основных — внимание к виртуальной реальности, обновленным ценностям и мотивации человека, новым возникающим в этой связи общественным отношениям (Давыдов, 2021). Весьма тщательный обзор дискуссии в зарубежной литературе представлен в работах Д.А. Давыдова. В то же время эта позиция была подвергнута существенной критике (см., например, (Бузгалин, Колганов, 2022; Яковлева, 2022)),

¹ Признан в РФ иноагентом.

показавшей, что посткапиталистический тренд — это прежде всего генезис качественно новых общественных отношений (социально-экономических и др.), знаменующих рождение в недрах позднего капитализма новой общественной системы.

Тема генезиса пострыночных отношений поднимается в литературе гораздо реже и звучит скорее как исключение. Такая ситуация неслучайна, поскольку рынок и рыночная экономика большинством исследователей рассматриваются как некое естественное состояние человеческого сообщества, развивающегося в условиях общественного разделения труда, а также как «естественный» механизм эффективного обмена ресурсами, учета издержек и определения экономической эффективности. Так он представлен едва ли не во всех основных течениях экономической мысли, причем не только в неоклассике.

Однако это видение рынка встречает критику со стороны ряда исследователей, развивающих марксистскую политическую экономию и продолжающих исследования советских политэкономов 1960–1970-х гг. Наиболее активно ее отстаивал в свое время профессор Н.В. Хессин, опирающийся в своих исследованиях на работы В.И. Ленина и его последователей (Хессин, 1968). В соответствии с этим подходом рынок есть форма отношений товарного производства, который в силу своих внутренних противоречий закономерно рождает генезис капиталистических отношений — идущий в форме первоначального накопления капитала процесс дифференциации производителей, приводящий, с одной стороны, к образованию лиц, лишенных средств производства (класса наемных работников), с другой стороны — собственников средств производства (будущего класса капиталистов). Такой взгляд на рынок и капитализм развивался, как уже было сказано, В.И. Лениным, не раз писавшим об этом, начиная с ранних работ, в частности, книги «Развитие капитализма в России», где было показано движение от отношений товарного производства и обмена к простейшим формам капитализма (простой кооперации и мануфактуре) и затем — к индустриальному капиталистическому производству.

Эта позиция вызывала значительную критику еще в условиях СССР, в частности, в связи с дискуссией о предмете первого тома «Капитала» К. Маркса. Оппоненты Н.В. Хессина и его коллег (их неформальным лидером был В.П. Шкредов (Шкредов, 1973)) доказывали, что предмет первого тома «Капитала» — это развитая капиталистическая система, которая имеет формальное сходство и не имеет непосредственной логической связи с отношениями товарного производства и обмена, развивавшимися в добуржуазных способах производства.

Эта полемика, при всей кажущейся абстрактности, оказала большое влияние на формирование советских экономистов, как тех, кто стал инициаторами радикальных рыночных реформ (многие из них были прямыми или косвенными учениками В.П. Шкредова), так и на формирование круга их оппонентов, которые, в свою очередь, были учениками Н.В. Хессина.

Вышесказанное имеет прямое отношение к основному исследованию статьи, в ходе которого будет показано, что рынок есть форма отношений товарного производства, противоречия которого рождают капитализм, и поэтому подрыв и замещение капиталистических отношений и отношений рынка новыми пострыночными и посткапиталистическими отношениями непосредственно исторически и логически взаимосвязаны.

В исследовании использован диалектический метод, предполагающий обращение к противоречиям и развитию объективных социально-экономических процес-

сов, акцент на качественных изменениях в процессе генезиса, прогресса / регресса социально-экономических систем и их смены новыми в процессе трансформации.

2. Методолого-теоретические предпосылки исследования генезиса пострыночных и посткапиталистических отношений

Постановка проблемы пострыночных и посткапиталистических отношений в рамках методологии современного марксизма предполагает использование ряда классических положений формационной теории с существенными дополнениями, основанными на обобщении практик второй половины XX в. — начала XXI в. В частности, в данном случае мы исходим из того, что общественные социально-экономические системы имеют свои качественные границы во времени и в пространстве, и переход от одной из них к другой носит характер качественного скачка, хотя может происходить, опосредуясь политическими революциями или эволюционно. Оставляя в стороне проблемы революций и реформ, мы хотели бы акцентироваться на вопросе о зарождении внутри уходящей системы переходных отношений, соединяющих в себе все еще господствующие отношения существующей социально-экономической системы и уже появляющиеся ростки будущей. Обозначим данные социально-экономические системы условно как «старая» и «новая».

Рассмотрим этот переход на примере трансформации добуржуазной системы, в частности, западноевропейского феодализма, к капиталистической. Этот переход осуществлялся так, что внутри «старой» системы развивались отношения товарного производства, в большинстве случаев сращенные с отношениями феодализма. Типичными формами были отношения, соединяющие натуральное хозяйство и производство на рынок в крестьянских хозяйствах, отношения денежной ренты, феодальная организация товарного производства в средневековых городах и масса других переходных форм, которые постепенно генерировали формирование слоя лично свободных наемных работников и не принадлежащих к первому или второму сословию (аристократы и духовенство) собственников капитала.

Однако этот переход от феодальной системы к капиталистической не мог осуществиться без качественных изменений во всех звеньях общественно-экономической формации, включая социальные, политические, идеологические и другие подобные отношения. Одна из причин, объясняющих тысячелетнее существование товарных отношений, «пульсировавших» в недрах добуржуазных способов производства, но тем не менее не порождавших капиталистический способ производства, состоит в том, что эти отношения не могли превратиться в полноценную капиталистическую систему, воспроизводящуюся на собственных основаниях при помощи адекватных социально-политических и идеолого-культурных форм, без разрушения различных форм внеэкономической зависимости человека (включая сословное неравенство, политическую подчиненность) и насилия во всех его многообразных формах (от феодальных грабежей до религиозных войн) как господствующей формы обмена деятельностью и присвоения прибавочного продукта. Соответственно, в этих условиях и развитие производительных сил (материально-технической базы новой экономической) системы тормозилось данной совокупностью факторов.

Для исследования нам было важно показать, что внутри феодальной системы развивались переходные отношения, соединяющие начала рынка и натурального хозяйства, отношения капиталистической и феодальной собственности, отношения капиталистических и феодальных форм производства и присвоения приба-

вочного продукта. Данную методологию мы можем использовать и для анализа происходящей в настоящее время трансформации капиталистической системы в будущую посткапиталистическую.

Для решения поставленной исследовательской задачи вновь вернемся к вопросу о товарных отношениях как производственных, развитие которых закономерно порождает генезис наемного труда на одном полюсе и капиталистического присвоения — на другом. Исходя из этого, мы можем предположить, что генезис посткапиталистических отношений начинается с генезиса пострыночных отношений и затем переходит на более глубокую стадию, охватывая и изменения в отношениях наемного работника и собственника средств производства.

В данном случае мы используем методологию так называемой «Цаголовской» (университетской) школы политической экономии, выделявшей в каждой общественно-экономической системе исходное и основное производственные отношения. Для капиталистической системы такими отношениями являются товар как вещная форма производственных отношений товарного производства (исходное отношений) и капитал как основное отношение (как специфическая форма соединения работника со средствами производства). Для будущего посткапиталистического общества в качестве таких отношений в рамках этой школы выделялись планомерная организация общественного производства (исходное отношение, снимающее отношения товарного производства) и свободное непосредственно общественное соединение ассоциированных работников с обобществленными средствами производства (основное отношение, снимающее отношения наемного труда и капитала). Первое (исходное) предполагало непосредственное включение общества в организацию экономической жизни, второе (основное) — свободный характер труда и присвоение прибавочного продукта обществом на цели своего развития с распределением необходимого продукта на первом этапе этого общества в соответствии с общественно-необходимыми нормами труда.

Схематично данный переход может быть представлен в следующем виде, как это было представлено ранее в работе одного из соавторов настоящего текста и его коллеги (рис.).

Принципиально важным в данном случае является вопрос о диалектике взаимодействия социально-экономических отношений, материально-технической базы развития этих отношений (производительных сил в терминологии марксист-

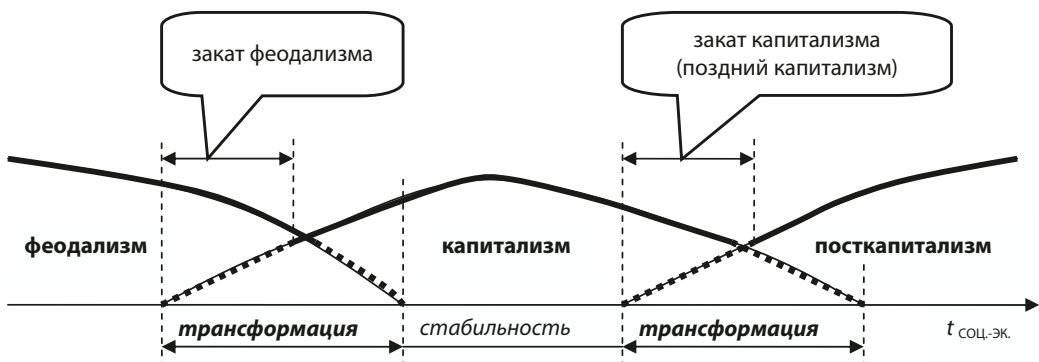

Рис. Трансформации социально-экономических систем (сост. по: (Бузгалин, Колганов, 2016b))

Fig. Transformations of Socio-Economic Systems

ской политической экономии), социально-политических форм и отношений духовного производства.

Что касается первой проблемы (взаимодействия производительных сил и производственных отношений), то анализ этой диалектики в современной марксистской литературе, опирающийся на методологию «Капитала» К. Маркса, показал, что теория формального и реального подчинения труда господствующим производственным отношениям, раскрытая К. Марксом на примере капиталистической системы, может быть использована и для других социально-экономических систем.

Напомним, что формальное подчинение труда капиталу предполагает развитие капиталистических отношений на неадекватном для их эффективного прогресса материально-техническом базисе — на основе господствующего ручного труда, когда капитал объединяет труд лишь с социально-экономическими отношениями и, соответственно, труд подчинен капиталу лишь посредством экономической формы, хотя содержание труда оставляет возможность для деятельности работника независимо от капитала. В свою очередь, реальное подчинение труда капиталу возникает тогда, когда наемный работник превращается в частичного работника — придаток машины, а его использование оказывается возможным в подавляющем большинстве случаев при помощи капиталистической частной собственности. В этом случае работник подчиняется капиталу уже не только вследствие продажи своей рабочей силы, но и в процессе самого производства, где он технологически подчинен постоянному капиталу — машине, а в наиболее развитом виде — конвейеру.

Этот методолого-теоретический подход позволяет нам сделать вывод, что отношения формального подчинения труда капиталу развиваются внутри добуржуазной социально-экономической системы на неадекватном базисе, но не могут обеспечить победы нового способа производства в силу недостатка развития производительных сил. Переход к одновременному развитию качественно иных производительных сил (индустрии) и производственных отношений (капитала и наемного труда), обеспечивающих победу нового способа производства, становится возможным только в условиях соответствующих качественных изменений в социально-политической сфере и в сфере духовного производства.

Применительно к экономике XXI в. эта методология в значительной степени оказывается актуальной. Однако существуют важные новые разработки, наиболее активно представленные в работах последних десятилетий. Речь идет о диалектике не только социально-экономического прогресса (Момджян, 2016, 2018; Булавка-Бузгалина, 2018), но и регресса (Бузгалин, Колганов, 2015), о своего рода «попятной диалектике» (Булавка-Бузгалина, 2009) — инволюции экономических систем, причины которой были рассмотрены нами в указанных выше работах.

В данном случае особенно важно подчеркнуть, что на этапе формального подчинения труда капиталу, как показывает и теория, и история, были возможны и на практике осуществлялись многочисленные «попятные» движения от рыночно-капиталистических социально-экономических отношений к добуржуазным, происходили свертывание отношений товарного производства и натурализация экономики, отказ от использования свободного труда и переход к внеэкономическому принуждению и т. д. Такие процессы многократно наблюдались в странах Западной и Восточной Европы и не только (вопрос о диалектике трансформации азиатского способа производства в капиталистическую систему мы в данном тексте не рассматриваем; некоторые компоненты такого анализа даны в статье А. И. Колганова (Колганов, 2017)).

Опыт XX в. показал, что генезис пострыночных и посткапиталистических отношений может первоначально на основе производительных сил создать минимальную возможность для генезиса новых общественных отношений. Таким уровнем производительных сил является развитое индустриальное производство (4-й и более высокие технологические уклады в терминологии Д. С. Львова и С. Ю. Глазьева (Львов, Глазьев, 1986)), которое создает возможность присвоения прибавочного продукта в интересах общества и распределения в соответствии с общественно-необходимыми нормативами, однако не обеспечивает реального освобождения труда, сохраняя подчинение работника технологиям индустриального производства, превращающего его в частичного рабочего, подчиненного машине.

Точно так же, как в условиях формального подчинения труда капиталу, возникли многочисленные переходные формы, соединяющие натуральное хозяйство и рынок, формы прикрепления крестьян к земле и наемного труда (отходный промысел, отработки), что приводило к соединению отношений феодального подчинения и формального подчинения труда капиталу. Соответственно, и генезис посткапиталистического общества, в частности, в странах мировой социалистической системы, также соединял в себе элементы формального освобождения труда, с одной стороны, и капиталистических и иных (в ряде стран даже феодальных) форм подчинения труда отношениям отчуждения, с другой стороны.

3. Пострыночные и посткапиталистические отношения в экономике XXI в.

Для того, чтобы раскрыть переходные формы рождающихся пострыночных, посткапиталистических отношений в условиях господствующей в настоящее время системы, необходимо напомнить, что мы определяем рынок как форму производственных отношений товарного производства. Эти производственные отношения проявляются только в овещненной форме — форме товара и других производных вещных форм (деньги и т. п.). В свою очередь, товар определяется как единство стоимости и потребительной стоимости, абстрактного и конкретного, общественного и частного труда.

Наименее акцентируемым даже в марксистской литературе, и наиболее важным в данном случае, является указание именно на то, что товарное производство основано на противоречивом единстве труда как одновременно и общественного, и частного. В основании этого диалектического единства лежит противоречие общественного разделения труда и обособленности производителей. В последнем случае речь идет о том, что каждый из таких частных, обособленных акторов действует независимо от других, за свой счет. Цели, технология, содержание его деятельности определяются исключительно индивидуально данным актором и не зависят от внешнеэкономического воздействия других лиц. Этот производитель является в этом отношении абсолютно независимым. Общественное разделение труда, напротив, предполагает глубокую внутреннюю зависимость (технологическую и экономическую) одних акторов от других, а в предельном развитии зависимости — от национальной и даже международной системы разделения и кооперации труда.

Единство и противоположность этих двух категорий с трудом воспринимается не привыкшими к диалектическому мышлению исследователями, однако мы можем показать, что именно ограничение обособленности производителей большинством сторонников развития свободной рыночной экономики в рамках либеральных экономических концепций (особенно сторонниками австрийской школы)

воспринимается как наибольшая угроза рынку. В этом случае речь идет о таких формах, как монополизм, государственное регулирование и меры по ограничению и тем более подрыву рынка.

Данная выше их характеристика позволяет сделать вывод, что развитие пострыночных отношений происходит в той мере, в какой ограничивается (подрывается и в дальнейшем снимается) обособленность производителей и на смену отношениям товарного производства, распределения, обмена и потребления приходят качественно иные отношения. В этой связи мы определяем пострыночные отношения как отношения, качественно отличные от отношений товарного производства и, в противоположность дорыночных отношений (натурального хозяйства, насилия как экономико-волевой формы обмена деятельностью), отношения более прогрессивные. Поскольку понятие прогресса было введено нами ранее, мы можем уточнить понятие пострыночных отношений — это отношения, способствующие более активному, нежели рынок, развитию человеческих качеств и материально-технических факторов производства, решению социальных, экологических, культурных проблем.

В отличие от пострыночных отношений, отношения, названные нами дорыночными, как правило, предполагают регресс — сворачивание общественного разделения труда, появление различных форм личной зависимости и внеэкономического принуждения и других форм ограничения «негативной свободы» («свободы от»). Специально отметим: в условиях недостаточного для прогресса пострыночных отношений развития производительных сил, социального творчества и базисной демократии, культуры и других условий, лежащих вне непосредственно сферы производственных отношений, шаги по ограничению рынка волевыми методами могут вести к регрессу и генезису дорыночных форм, чему история XX в. дает немало примеров.

Проведение не только теоретико-методологического, но и конкретно-исторического разграничения пост- и дорыночных отношений представляет особую задачу, пути решения которой мы в данной статье далее обсуждать не будем и вернемся к теории вопроса. Сказанное выше позволяет нам дать базирующееся на разработках наших коллег (Mandel, 1975; Jameson, 1991), но отличное от их характеристик определение современного этапа развития капитализма как позднего капитализма — такой этап в развитии рыночно-капиталистической социально-экономической системы, на котором начинается трансформация ее системообразующих отношений (отношений товарного производства и капитала) в качественно иные — отношения зарождающейся новой системы (пострыночные, посткапиталистические), а прогресс «старой» становится невозможен без использования этих переходных отношений (общественного регулирования, присвоения и т. п.).

Сформулированные выше положения, безусловно, являются остро дискуссионными. Мейнстрим современной социально-экономической теории и господствующие философия и методология (в первую очередь, постмодернистская (см., например, (Baudrillard, 1981; Derrida, 1998)) отрицают само понятие прогресса, а проблемы меры этого прогресса, его критериев и т. п. считают как минимум неактуальными или просто несуществующими, особенно в пространстве экономики, которую они рассматривают как явление, тождественное рынку, хотя и обремененное некоторыми «провалами».

Мы не будем вступать в дискуссию по данному вопросу, а продолжим рассмотрение данной теоретической модели с тем, чтобы ее содержательное раскрытие стало одним из оснований для аргументации ее правомерности. Важнейшей задачей в данном случае станет характеристика тех практик, которые мы можем обозначить как переходные отношения, соединяющие в своих началах рыночные и пострыночные, капиталистические и посткапиталистические отношения.

Анализ последних предполагает теоретическое определение капитала как отношения наемного труда и капитала. Мы не поднимаем в данном исследовании вопрос, является ли оно отношением эксплуатации (присвоения капиталом прибавочной стоимости, созданной наемным трудом), или же прибыль создается другими, нежели труд, факторами производства. В этом случае нам достаточно зафиксировать пункты, по которым согласны как неолиберальные теоретики, так и сторонники современной марксистской теории, а именно, наличие юридически свободного наемного работника, не обладающего средствами производства — на одном полюсе, и собственников капитала в различных формах — на другом¹.

Вернемся к нашей основной проблеме и рассмотрим прежде всего отношения, соединяющие в себе начала рынка как формы товарного производства, с одной стороны, и пострыночных отношений, с другой. Данная выше характеристика рынка позволяет предположить, что пострыночные отношения развиваются в той мере, в какой возникают ограничение или подрыв обособленности производителей. Наиболее очевидной формой такого ограничения и подрыва являются отношения, описанные учеными еще в начале XX в. как планомерное регулирование экономических процессов в локальных масштабах, осуществляемое крупным корпоративным капиталом (в терминологии того времени — монополиями (Ленин, 1969; Сергеев, 2019)). Этот феномен представителями упоминавшейся выше «Цаголовской школы» советской политической экономии был назван «неполной планомерностью» (Цаголов, 1973, 2017; Куликов, 1972, 1978, 1984).

Используя здесь более знакомый современному читателю понятийный аппарат неоклассики, можно сказать: осуществлять локальное регулирование возможно в той мере, в какой это позволяет рыночная власть корпораций, не сталкивающаяся с рыночной властью их соперников, т. е. в той мере, в какой корпорации обладают более мощной переговорной силой. Этот феномен может быть определен как система отношений корпоративного манипулирования, позволяющая создать поле зависимости различных акторов от корпорации, осуществляющей сознательное регулирование производства, соединенное с сохраняющимися отношениями товарной экономики (Бузгалин, Колганов, 2015).

Еще более известная форма подрыва и ограничения отношений товарного производства — регулирование экономики, осуществляемое государством как экономическим актором (Воейков, 2018; Бузгалин, Колганов, 2016а).

Основными слагаемыми такого регулирования являются, во-первых, система общественных нормативов, на что большинство экономистов обычно не обращают внимание, хотя именно эта система создает наиболее жесткие ограничения рынка, за пределами которых отношения рыночной конкуренции не действуют. В результате в той мере, в какой предпринимается нормативное регулирование экономики, производитель не может осуществлять самостоятельное определение

¹ От проблемы человеческого и социального капитала, труда фрилансеров и т. д. мы в данном случае абстрагируемся. Характеристика этой проблемы была дана нами ранее (Бузгалин и др., 2023а, 2023б).

параметров производства, распределения, обмена и потребления, его обособленность подрывается. К числу таких нормативов относятся технологические, экологические, социальные, культурные и многие другие ограничения, создающие рамки для конкурентных отношений.

Во-вторых, формой подрыва обособленности производителей являются различные механизмы косвенного государственного регулирования, в частности, активной промышленной политики, которые создают неравные условия для взаимодействия акторов рыночной экономики: одни из них получают различного рода преференции (дешевые кредиты, низкие налоги, институциональную и прочую поддержку), а другие, наоборот, сталкиваются с созданными государством ограничениями.

В-третьих, формой подрыва товарного производства являются отношения планирования, причем не только директивного, но и индикативного. Данная тема была также нами и нашими коллегами подробно развита ранее (Манахова, Хрупина, 2022; Шафранская, 2021; Клейнер, 2021; Орешин, 2016; Белянова, Бирюков, 2016; Бузгалин, Колганов, 2016а).

Что касается наиболее развитых форм подрыва товарного производства, то это, в-четвертых, отношения, которые снимают не только обособленность производителей, но и вообще лежат в пространстве создания и использования принципиально неограниченных ресурсов. В данном случае мы вступаем в пространство общественных благ, на которое не распространяется одна из исходных аксиом неоклассики, описывающих рынок как систему рационального использования ограниченных ресурсов. Это пространство авторами данной статьи квалифицируется не просто как пострыночное, но и как постэкономическое (Бузгалин, 1990, 1998). Тезис о генезисе постэкономических отношений не является открытием одного из соавторов настоящего текста — А.В. Бузгалина и его коллег (прежде всего, А.И. Колганова, хотя этот подход и развивается в их работах со студенческих лет). Эти идеи встречаются в работах Д. Белла (Bell, 1973), линию которого во многом продолжил В. Иноземцев¹ (Иноземцев, 1998). В настоящее время об этом пишет С.Д. Бодрунов (Бодрунов, 2018).

Возникновение неограниченных ресурсов, культурных ценностей, в частности, таких, как научные открытия, делает возможным бесплатное распределение данных ресурсов и реализацию принципа «Все, что можно раздавать, не теряя, не должно продаваться». Этот тезис хорошо известен в литературе, поэтому мы далее не будем на нем задерживаться, но отметим, что его реализация предполагает существенную трансформацию отношений собственности и переход от частной собственности к собственности каждого на все (Бузгалин, 2017). Так, встает в полный рост проблема перехода к качественно иной общественной системе, — перехода, в основе которого лежат качественные изменения в содержании труда, поскольку создание неограниченных благ есть результат развития творческой деятельности, качественно отличной от репродуктивного труда.

В силу этого мы можем сказать, что качественный переход к пострыночной, посткапиталистической системе становится возможен в той мере, в какой труд из репродуктивного превращается в творческий, подобно тому, как переход от феодалской системы к капиталистической становился в полной мере возможен лишь на базе перехода от ручного к индустриальному труду.

Исследование и эмпирическая характеристика подрыва и ограничения отношений капитала и наемного труда представляют, как мы уже отметили, несколько

¹ Признан в РФ иноагентом.

меньшую трудность, поскольку в данном случае речь идет о хорошо известных отношениях.

Снятие отношений наемного труда и капитала внутри капиталистического способа производства имеет многообразные формы и виды, хорошо известные современной практике и теории¹. Одна из простейших и наиболее очевидных форм — это перераспределение части прибавочной стоимости и производных от нее доходов на цели общественного развития при помощи таких механизмов, как прогрессивный налог на доходы, наследство и сопряженные с этим формы; установление минимальной заработной платы и регулирование других условий оплаты труда; ограничение продолжительности рабочего дня и рабочей недели, введение различного рода отпусков (в т. ч. по беременности и др.) и многих других отношений, которые ограничивают формальное подчинение труда капиталу и возможности присвоения прибавочной стоимости капиталом, передавая эти ресурсы для развития наемных работников и других социально-обездоленных слоев общества. За счет этих средств формируются также пенсионные выплаты, пособия по безработице и масса других ресурсов, которые лица наемного труда, а также еще и уже нетрудоспособные лица получают за счет перераспределения создаваемого в условиях товарно-капиталистического производства стоимостного богатства.

Более сложные формы ограничения формального подчинения труда капиталу связаны с участием трудящихся в учете, контроле и управлении производством. Еще более сложные отношения возникают тогда, когда развиваются многообразные формы социализации частной собственности, например, ограничения прав собственника капитала со стороны общества в виде государства и различных институтов гражданского общества (профсоюзов, экологических организаций, местного самоуправления и т. д.). Хорошо известно, что во многих случаях частный собственник ограничен в использовании своих ресурсов вследствие развития государственного регулирования и регулирования со стороны институтов гражданского общества.

Еще одной формой социализации частной собственности является постепенное дополнение или вытеснение частной собственности на ресурсы за счет развития различных форм общественного (совместного) использования ограниченных ресурсов. В данном случае речь идет о таких формах, как совместная работа, совместное использование ресурсов в процессе деятельности и в процессе потребления (коворкинги, коливинги, каршеринги и другие формы).

Дальнейшее продвижение в этом отношении связано с развитием общественной собственности как таковой во всем многообразии ее форм. Наиболее характерным в данном случае будет пространство социо-гуманитарной сферы (образования, культуры, здравоохранения и др.). Прогресс ее социализации, предполагающий развитие не только общественной формы собственности, но и бесплатности и других элементов общедоступности, демократизации и т. п. (Яковлева, 2021), будет развитием именно пострыночных (бесплатность для пользователя, государственное ценообразование на используемые ресурсы, в первую очередь, обще-

¹ С. Д. Бодрунов предлагает несколько иную, чем у авторов, систему шагов по продвижению к качественно новому, нежели экономический (в настоящее время — рыночно-капиталистический) способу удовлетворения потребностей — к ноономике. Это «квадрига ноономики» — научно-технический прогресс, диффузия собственности (в т. ч. различные формы шеринга и диффузии прав собственности), социализация общества и солидаризм (Бодрунов, 2021).

ственные нормативы оплаты труда в этой сфере) и посткапиталистических (снятие частной собственности) отношений.

Естественно, пространство общественной собственности не исчерпывается социо-гуманитарной сферой, включая где-то большую, где-то меньшую часть инфраструктуры, энергетики и т. п. В данном исследовании мы, как уже было отмечено, не ставим вопрос о мере развития этих пространств; мы ставим вопрос об их теоретической квалификации как посткапиталистических. В этой связи особо важно подчеркнуть, что общественная собственность в большинстве случаев в современных условиях имеет форму государственной. Но государственная форма может иметь разное содержание. Государственная по форме собственность является по своему содержанию общественной в той мере, в какой она оформляет посткапиталистические экономические отношения, в частности, «работает» в интересах общества в целом, а не государственной бюрократии или крупного капитала, подчиняющего себе государственную бюрократию и использующего государственные ресурсы в своих интересах. Заметим, что в условиях неолиберальной модели позднего капитализма последнее является доминирующим трендом, который может ограничиваться в рамках социально-ориентированной модели, реализующейся в большинстве случаев только при условии политической победы левых сил.

Пространство общественной собственности включает также различные формы экономики солидарности, сферы негосударственных неприбыльных организаций и т. п.

Наиболее сложные формы посткапиталистических отношений связаны с подрывом и ограничением реального подчинения труда капиталу. Они развиваются главным образом в связи с прогрессом творческого содержания труда, характеристики которого были нами представлены в ряде предшествующих публикаций. Это такие атрибуты творческого труда, как:

- создание содержательно неограниченных, потенциально являющихся общедоступными культурных благ;
- самомотивация и превращение труда из обременения в потребность;
- неотчужденное отношение к труду, его «средствам» (ими в данном случае является богатство культурных феноменов);
- со-творчество — атрибут любой творческой деятельности; принципиальное отсутствие границы между рабочим и свободным временем и др. (Бузгалин, 2023).

В условиях рыночно-капиталистической системы, особенно неолиберальной модели позднего капитализма, эти атрибуты содержания творческой деятельности, являющиеся потенциальной основой реального освобождения труда, бытийствуют в отчужденно-антагонистических социальных формах, сохраняющих и даже мультиплицирующих формальное подчинение труда капиталу. В случае наиболее массовой социально-экономической формы творческого труда в условиях позднего капитализма (ею является наемный труд) креативный работник:

- оказывается объектом особого рода рентной эксплуатации (капитал, подчиняя себе творческий труд, присваивает преимущественно не прибавочную стоимость, а интеллектуальную ренту);
- отчужден от результатов своего труда (интеллектуальная собственность принадлежит собственнику капитала);

— вынужден в условиях работы по контракту с фирмой продавать не только «рукопись», но и «вдохновенье» (Булавка-Бузгалина, 2021), подчиняя свой творческий потенциал задачам капитала.

4. Выводы и дискуссионные вопросы

В результате развития перечисленных выше переходных форм происходят ограничение и подрыв отношений как рынка, так и капитала и продвижение к возникновению пострыночных и посткапиталистических отношений. Сами по себе выделенные выше переходные формы хорошо известны: мы обращались к практикам мирового развития последнего столетия, а не выдумывали нечто несуществующее. Наиболее дискуссионными в данном случае являются два вопроса.

Первый вопрос: можно ли все эти феномены считать ростками пострыночных и посткапиталистических отношений? Для аргументации положительного ответа на этот вопрос обратимся к примеру наиболее очевидной формы — отношений общественного регулирования экономики со стороны государства, нацеленного на снижение социального неравенства. Эти отношения хорошо известны, и дискуссионным вопросом в данном случае, как мы отметили выше, является не констатация их наличия (это практики, о которых знают все), а квалификация их именно как пострыночных.

Возражения обычно носят двоякий характер. Первое, наиболее типичное, возражение — отрицание необходимости их развития исходя из критериев, которые характерны именно для рыночной экономики. Заметим, что в данном случае экономисты, принадлежащие к неолиберальному направлению и негативно относящиеся к рассуждениям о прогрессе, в неявной форме используют именно этот критерий, по сути дела пытаясь доказать, что пострыночные отношения (в частности, выбранные выше в качестве примера отношения государственного регулирования) менее прогрессивны, нежели отношения рынка. Причем в качестве критерия используются специфические для рыночной экономики индикаторы прогресса — ВВП и иные стоимостные показатели.

В отличие от неолиберальных теоретиков сторонники социал-демократических версий развития капитализма не отрицают необходимости социального регулирования, но считают регулируемый рынок не более чем одной из разновидностей рыночной экономики, игнорируя то, что в этих пространствах зарождаются качественные изменения и возникают переходные отношения, содержащие элементы новой экономической системы.

Одним из аргументов для критики данной позиции являются аргументы упомянутых выше неолиберальных теоретиков. Так, последние считают, что государственное регулирование и т. п. — это отношения, развитие которых мешает рынку, отрицает его, т. е. неявно признают их качественную противоположность товарному производству, хотя и отрицают их прогрессивность. Парадоксально, но мы согласны с ними в том, что государственное регулирование и т. п. — это отношения, которые качественно отличны от рыночных. Но в отличие от неолиберальных теоретиков мы настаиваем на их прогрессивности и необходимости развития по мере прогресса материально-технических, социально-политических, культурных и других предпосылок.

Еще одним из аргументов в споре с авторами, считающими, что развитие общественного регулирования не является зарождением качественно новых отно-

шений, является следующий тезис: если мы продолжим развитие этих отношений (регулируя, планируя и т. п. мер, снижающих социальное неравенство и усиливающих социальную справедливость), считая их не более чем новой формой рынка, вплоть до перехода к общенародному планированию, вытеснению отношений конкуренции, развитию общедоступности базовых благ и т. п., то мы получим (если следовать названной позиции) не плановую экономику, а всего лишь наиболее развитый вид рынка. Очевидно, что данный тезис является абсурдным и это указывает на то, что качественный переход здесь все-таки присутствует.

Второй дискуссионный вопрос лежит в пространстве не только экономической теории, но и экономической политики: независимо от того, квалифицируем ли мы названные выше отношения как пострыночные и посткапиталистические, или считаем их имманентными для нового вида рыночной экономики, перед нами (и теоретиками, и практиками) стоит вопрос: надо ли стратегически содействовать их экстенсивному и интенсивному развитию, ибо это путь прогресса, или же, наоборот, их пространство надо сокращать с целью обеспечения эффективного роста.

Апелляция к мере этого про- / регресса в данном случае не снимает проблемы, ибо для одних (возьмем для примера прогрессию подоходного налога) оптимальная мера налогообложения дохода миллионеров будет составлять (как в современной России) 15 %, а для других (как в США времен Рузвельта) — 90 %.

Мы не будем аргументировать необходимость прогрессирования пострыночных и посткапиталистических отношений в той мере, в какой для этого формируются достаточные объективные и субъективные предпосылки, и ограничимся констатацией весьма важной закономерности. При всех особенностях конкретно-исторических ситуаций для последнего столетия характерным является то, что в подавляющем большинстве стран сторонниками прогресса пострыночных и посткапиталистических отношений выступают социально-политические и идейно-культурные силы, которые относятся к левому спектру. Соответственно, за ограничение, свертывание этих отношений выступают те общественные силы, которые относятся к правому спектру. И борьба этих сил является одним из классических свидетельств того, что качественная трансформация внутри капитализма происходит. Эта трансформация может иметь как форму реформ, так и форму революционных изменений, но в данном случае это тема, которую мы не затрагиваем в статье. В данном исследовании были поставлены и лишь предельно кратко раскрыты остро дискуссионные проблемы, суммирующие целую серию предшествующих публикаций авторов и их коллег, развивающих идеи постсоветской школы критического марксизма (Чэнь, Барашкова, 2018).

Список источников

Белянова, А. М., Бирюков, В. А. (2016). Обсуждаем проблемы стратегического планирования в современной России (по итогам научного семинара). *Вопросы политической экономики*, 2, 160–168.

Бодрунов, С. Д. (2018). *Ноономика*. Москва: Культурная революция, 432.

Бузгалин, А. В. (2023). Креативная [пост] экономика: от социофилософского к политико-экономическому осмыслению. *Вопросы философии*, 6, 45–56.

Бузгалин, А. В. (2017). Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? *Социологические исследования*, 7, 43–53. <https://doi.org/10.7868/S0132162517070054>

Бузгалин, А. В. (1998). *По ту сторону царства необходимости (эскизы к концепции)*. Москва: Экономическая демократия, 191.

Бузгалин, А. В. (1990). *По ту сторону отчуждения (сборник политико-экономических гипотез)*. Москва: Издательство МГУ, 295.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2022). Капитализм, посткапитализм и креативная революция (критические размышления о статье Д. А. Давыдова). *Социологические исследования*, 9, 100–109. <https://doi.org/10.31857/S013216250021070-0>

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2016а). Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике. *Вопросы политической экономии*, 1, 21–43.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2016б). Системный взгляд на экономику: позитивная критика методологии и теории Г. Б. Клейнера. *Экономическая наука современной России*, 4, 43–64.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2015). *Глобальный капитал. В 2-х т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded)*. Изд. 3-е, испр. и суц. доп. Москва: ЛЕНАНД, 640.

Бузгалин, А. В., Яковлева, Н. Г., Барашкова, О. В. (2023а). Человек, человеческий потенциал, «человеческий капитал» в зеркале политической экономии (статья 1-я). *Российский экономический журнал*, 1, 4–21.

Бузгалин, А. В., Яковлева, Н. Г., Барашкова, О. В. (2023б). Человек, человеческий потенциал, «человеческий капитал»: политэкономическая критика поведенческой экономики (статья 2-я). *Российский экономический журнал*, 3, 5–16.

Булавка-Бузгалина, Л. А. (2021). Культура как рынок: «не продается вдохновенье»? *Вопросы философии*, 3, 5–17. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-3-5-17>

Булавка-Бузгалина, Л. А. (2018). Маркс-XXI. Социальный прогресс и его цена: диалектика отчуждения и разотчуждения. *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*, 5, 73–84.

Булавка-Бузгалина, Л. А. (2009). Застой: пролог к попятной диалектике. СССР. «Застой». Под ред. Л. Булавки, Р. Крумма. Москва: [б. и.].

Воейков, М. И. (2018). Государство как предмет политэкономического изучения. *Вопросы политической экономии*, 1, 35–55.

Давыдов, Д. А. (2021). Ценностные основания посткапитализма: от «модуса обладания» к индивидуализму самореализующихся личностей. *Социологические исследования*, 12, 78–90. <https://doi.org/10.31857/S013216250016429-4>

Иноземцев, В. Л.¹ (1998). *За пределами экономического общества. Постиндустриальные и постэкономические тенденции в современном мире*. Москва: Academia — Наука, 614.

Клейнер, Г. Б. (2021). Системно-ориентированное планирование: Россия, XXI век. *Вопросы политической экономии*, 2 (26), 45–56.

Колганов, А. И. (2017). К критике концепции «власти-собственности». *Вопросы экономики*, 7, 79–95. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-7-79-95>

Куликов, В. В. (1972). О переходных формах в условиях капитализма. *Вестник МГУ. Серия Экономика*, 1.

Куликов, В. В. (1978). *Становление социалистических производственных отношений: Очерки теории и методологии*. Москва: Издательство МГУ, 183.

Куликов, В. В. (1984). *Становление социализма и «обобществление производства на деле»*. Препринты докладов. Москва: ИЭ АН СССР, 19.

Ленин, В. И. (1969). Империализм, как высшая стадия капитализма. *Полн. собр. соч. Т. 27*. Москва: Издательство политической литературы.

Львов, Д. С., Глазьев, С. Ю. (1986). Теоретические и прикладные аспекты управления НТП. *Экономика и математические методы*, 22 (5), 793–804.

¹ Признан в РФ иноагентом.

- Манахова, И. В., Хрупина, К. С. (2022). Значение стратегического планирования для обеспечения экономической безопасности России. *Вопросы политической экономики*, 2(30), 164–179. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6881575>
- Момджян, К. Х. (2016). Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории. *Вопросы философии*, 10, 36–46.
- Момджян, К. Х. (2018). О возможности и критериях общественного прогресса. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*, 5, 51–57.
- Орешин, В. П. (2016). Потенциал планирования экономики. *Вопросы политической экономики*, 1, 78–91.
- Сергеев, Г. С. (2019). Трансформация товарных отношений в условиях позднего капитализма: монополистический капитал как исходное отношение. *Вопросы политической экономики*, 4, 50–63.
- Хессин, Н. В. (1968). *В. И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства*. Москва: Издательство МГУ, 191.
- Цаголов, Н. А. (2017). Актуальные вопросы методологии политической экономики. *Вопросы политической экономики*, 1, 119–129.
- Цаголов, Н. А. (ред.) (1973). *Курс политической экономики*. В 2-х т. Изд. 3-е, перераб. и доп. Москва: Экономика.
- Чэнь, Х., Барашкова, О. В. (2018). Постсоветская школа критического марксизма: портрет в интерьере современного российского марксизма. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*, 6, 27–44.
- Шафранская, А. М. (2021). Роль государства в осуществлении стратегического планирования как механизма реиндустриализации. *Вопросы политической экономики*, 2(26), 132–145. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5040332>
- Шкредов, В. (1973). *Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса*. Москва: Издательство МГУ, 262.
- Яковлева, Н. Г. (2022). Какие ростки посткапитализма способны обеспечить прогресс человеческого потенциала и технологическую модернизацию? *Социологические исследования*, 9, 110–115. <https://doi.org/10.31857/S013216250021253-1>
- Яковлева, Н. Г. (2021). Противоречия трансформации и генезис социально-ориентированной модели образования (политико-экономический подход). *Вопросы политической экономики*, 3, 183–197. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5554163>
- Baudrillard, J. (1981). *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. St. Louis, MO.: Telos Press.
- Bell, D. (1973). *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting*. New York: Basic Books.
- Derrida, J. (1998). *Of Grammatology*. Corrected Edition. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Drucker, P. (1993). *Post-Capitalist Society*. New York: Harper Business.
- Jameson, F. (1991). *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press.
- Mandel, E. (1975). *Late Capitalism*. London: Humanities Press.
- Schwab, K., Malleret, T. (2020). *COVID-19: The Great Reset*. Geneva: Forum publishing.

References

- Baudrillard, J. (1981). *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. St. Louis, MO.: Telos Press.
- Bell, D. (1973). *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting*. New York: Basic Books.
- Belyanova, A. M., & Biryukov, V. A. (2016). Obsuzhdaem problemy strategicheskogo planirovaniya v sovremennoy Rossii (po itogam nauchnogo seminar) [Strategic Planning Under Today's Russian Economy: Necessity and Possibility (the results of the scientific seminar).] *Voprosy politicheskoy ekonomii [Problems in political economy]*, 2, 160–168. (In Russ.)

Bodrunov, S. D. (2018). *Noonomika [Noonomics]*. Moscow, Russia: Cultural revolution, 432. (In Russ.)

Bulavka-Buzgalina, L. A. (2009). Zastoy: prolog k popyatnoy dialektike [Stagnation: Prologue to retrograde dialectics]. In Bulavka-Buzgalina, L., Krumm R. (Eds.). *SSSR. «Zastoy» [The USSR. “Stagnation”]*. Moscow, Russia: [s. n.] (In Russ.)

Bulavka-Buzgalina, L. A. (2018). Marks-XXI. Sotsial’nyy progress i ego tsena: dialektika otchuzhdeniya i razotchuzhdeniya [Marx-XXI: Social progress and its price: Dialectics of alienation and disalienation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]*, 5, 73–84. (In Russ.)

Bulavka-Buzgalina, L. A. (2021). Kul’tura kak rynek: “ne prodatsya vdokhnoven’e”? [Culture as a Market: “Inspiration Is Not for Sale”?]. *Voprosy filosofii*, 3, 5–17. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-3-5-17> (In Russ.)

Buzgalin, A. V. (1990). *Po tu Storonu Otchuzhdeniya (Sbornik Politiko-Ekonomicheskikh Gipotez) [Beyond Alienation (A Collection of Political and Economic Hypotheses)]*. Moscow, Russia: MSU Publishing House, 295. (In Russ.)

Buzgalin, A. V. (1998). *Po tu storonu tsarstva neobkhodimosti (eskizy k kontseptsii) [On the Other Side the “Realm of Necessity” (Sketches for the Concept)]*. Moscow, Russia: Economic Democracy, 191. (In Russ.)

Buzgalin, A. V. (2017). Kreativnaya ekonomika: chastnaya intellektual’naya sobstvennost’ ili sobstvennost’ kazhdogo na vse? [Creative economy: Private intellectual property or ownership by everybody of everything?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 7, 43–53. <https://doi.org/10.7868/S0132162517070054> (In Russ.)

Buzgalin, A. V. (2023). Kreativnaya [post] ekonomika: ot sotsiofilosofskogo k politiko-ekonomicheskomu osmysleniyu [Creative [Post]Economy: from Sociophilosophical to Political Economy Reflection]. *Voprosy filosofii*, 6, 45–56. (In Russ.)

Buzgalin, A. V., & Kolganov, A. I. (2015). *Global’nyy kapital. V 2-kh tt. T. 1. Metodologiya: Po tu storonu pozitivizma, postmodernizma I ekonomicheskogo imperializma (Marks re-loaded)*. [Global capital. In 2 vols. Vol. 1. Methodology: On the Other Side of Positivism, Postmodernism and Economic Imperialism (Marx Re-loaded)]. 3rd Ed., revised and supplemented. Moscow, Russia: LENAND Publ., 640. (In Russ.)

Buzgalin, A. V., & Kolganov, A. I. (2016a). Teoriya planomernosti i zadachi razvitiya selektivnogo planirovaniya v rynochnoy ekonomike [Theory of systematically development (regularity) and objectives of the development of selective planning in market economy]. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii [Problems in Political Economy]*, 1, 21–43. (In Russ.)

Buzgalin, A. V., & Kolganov, A. I. (2016b). Sistemnyy vzglyad na ekonomiku: pozitivnaya kritika metodologii i teorii G. B. Kleynera [The Systems View of the Economy: Positive Critique of the Methodology and Theory of G. B. Kleiner]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]*, 4, 43–64. (In Russ.)

Buzgalin, A. V., & Kolganov, A. I. (2022). Kapitalizm, postkapitalizm i kreativnaya revolyutsiya (kriticheskie razmyshleniya o stat’e D. A. Davydova) [Capitalism, Post-Capitalism and the Creative Revolution (critical reflections on the article by D. A. Davydov)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 9, 100–109. <https://doi.org/10.31857/S013216250021070-0> (In Russ.)

Buzgalin, A. V., Yakovleva, N. G., & Barashkova, O. V. (2023a). Chelovek, chelovecheskiy potential, “chelovecheskiy kapital” v zerkale politicheskoy ekonomii (stat’ya 1-ya). [Human being, human potential, “human capital” in the mirror of political economy (article 1)]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal [Russian Economic Journal]*, 1, 4–21. (In Russ.)

Buzgalin, A. V., Yakovleva, N. G., & Barashkova, O. V. (2023b). Chelovek, chelovecheskiy potential, “chelovecheskiy kapital” v zerkale politicheskoy ekonomii (stat’ya 2-ya) [Human being, human potential, “human capital”: A political economy critique of behavioral economics (article 2)]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal [Russian economic journal]*, 3, 5–16. (In Russ.)

Chen, H., & Barashkova, O. V. (2018). Postsovetskaya shkola kriticheskogo marksizma: portret v inter’ere sovremennogo rossiyskogo marksizma [Post-Soviet School of Critical Marxism: Portrait in

the Interior of Contemporary Russian Marxism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]*, 6, 27–44. (In Russ.)

Davydov, D. (2021). Tsennostnye osnovaniya postkapitalizma: ot «modusa obladaniya» k individualizmu samorealizuyushchikhsya lichnostey [The Value Foundations of Post-Capitalism: From the “Mode of Having” to the Individualism of Self-Actualizing Personalities?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 12, 78–90. <https://doi.org/10.31857/S013216250016429-4> (In Russ.)

Derrida, J. (1998). *Of Grammatology*. Corrected Edition. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Drucker, P. (1993). *Post-Capitalist Society*. New York: Harper Business.

Hessin, N. V. (1968). *V. I. Lenin o sushchnosti i osnovnykh priznakakh tovarnogo proizvodstva [V. I. Lenin on the essence and main characteristics of commodity production]*. Moscow, Russia: MSU Publishing House, 191. (In Russ.)

Inozemtsev, V. L. (1998). *Za predelami ekonomicheskogo obshchestva. Postindustrial'nye i postekonomicheskie tendentsii v sovremennom mire [The Constitution of the Post-Economic State. Post-Industrial Theories and Post-Economic Trends in the Contemporary World]*. Moscow, Russia: Academia – Nauka, 614. (In Russ.)

Jameson, F. (1991). *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press.

Kleiner, G. B. (2021). Sistemno-orientiroe planirovanie: Rossiya, XXI vek [System-oriented planning: Russia, 21st century]. *Voprosy politicheskoy ekonomii [Problems in political economy]*, 2(26), 45–56. (In Russ.)

Kolganov, A. (2017). K kritike kontseptsii “vlasti-sobstvennosti” [To the critique of the “power-property” concept]. *Voprosy ekonomiki*, 7, 79–95. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-7-79-95> (In Russ.)

Kulikov, V. V. (1972). O perekhodnykh formakh v usloviyakh kapitalizma [On transitional forms under capitalism]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya Ekonomika [Moscow University Economics Bulletin]*, 1. (In Russ.)

Kulikov, V. V. (1978). *Stanovlenie sotsialisticheskikh proizvodstvennykh otnosheniy: Ocherki teorii i metodologii [The Formation of Socialist Relations of Production: Essays on Theory and Methodology]*. Moscow, USSR: MSU Publishing House, 183. (In Russ.)

Kulikov, V. V. (1984). *Stanovlenie sotsializma i “obobshchestvlenie proizvodstva na dele” [The formation of socialism and “the socialization of production” in practice]*. Moscow, USSR: Institute of Economics Academy of Sciences of USSR, 19. (In Russ.)

Lenin, V. I. (1969). *Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma. Polnoe sobranie sochineniy [Imperialism, the highest stage of capitalism. Collected Edition]*. Vol. 27. Moscow, USSR: Publishing House of Political Literature. (In Russ.)

Lvov, D. S., & Glaziev, S. Yu. (1986). Teoreticheskie i prikladnye aspekty upravleniya NTP [Theoretical and Applied Aspects of STP Management]. *Ekonomika i matematicheskie metody [Economics and Mathematical Methods]*, 22(5), 793–804. (In Russ.)

Manakhova, I. V. & Khrupina, K. S. (2022). Znachenie strategicheskogo planirovaniya dlya obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii [The significance of strategic planning for ensuring Russia's economic security]. *Voprosy politicheskoy ekonomii [Problems in Political Economy]*, 2(30), 164–179. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6881575> (In Russ.)

Mandel, E. (1975). *Late Capitalism*. London: Humanities Press.

Momdzhyan, K. Kh. (2016). Gipoteza obshchestvennogo progressa v sovremennoy sotsial'noy teorii [The Hypothesis of Social Progress in Modern Social Theory]. *Voprosy Filosofii [Russian Studies in Philosophy]*, 10, 36–46. (In Russ.)

Momdzhyan, K. Kh. (2018). O vozmozhnosti i kriteriyakh obshchestvennogo progressa [On the Possibility and Criteria of Social Progress]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]*, 5, 51–57. (In Russ.)

Oreshin, V. P. (2016). Potentsial planirovaniya ekonomiki [Potential of economic planning]. *Voprosy politicheskoy ekonomii [Problems in Political Economy]*, 1, 78–91. (In Russ.)

Schwab, K., & Malleret, T. (2020). *COVID-19: The Great Reset*. Geneva: Forum Publishing.

Sergeev, G. S. (2019). Transformatsiya tovarnykh otnosheniy v usloviyakh pozdnego kapitalizma: monopolisticheskiy kapital kak iskhodnoe otnoshenie [The Transformation of Commodity Relations within Late Capitalism: Monopoly Capital as the Initial Relationship]. *Voprosy politicheskoy ekonomii [Problems in political economy]*, 4, 50–63. (In Russ.)

Shafranskaya, A. M. (2021). Rol' gosudarstva v osushchestvlenii strategicheskogo planirovaniya kak mekhanizma reindustrializatsii [The Role of the State in Implementing Strategic Planning as a Mechanism of Reindustrialization]. *Voprosy politicheskoy ekonomii [Problems in political economy]*, 2 (26), 132–145. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5040332> (In Russ.).

Shkredov V. P. (1973). *Metod issledovaniya sobstvennosti v "Kapitale" K. Marksa [The method of property analysis in K. Marx's Capital]*. Moscow, USSR: MSU Publishing House. (In Russ.)

Tsagolov, N. A. (2017). Aktual'nye voprosy metodologii politicheskoy ekonomii [Topical Questions of Methodology of Political Economy]. *Voprosy politicheskoy ekonomii [Problems in Political Economy]*, 1, 119–129. (In Russ.)

Tsagolov, N. A. (Ed.) (1973). *Kurs politicheskoy ekonomii [The course of political economy]*. In 2 vols. 3rd ed., reprinted and expanded. Moscow, USSR: Ekonomika (In Russ.)

Voeykov, M. I. (2018). Gosudarstvo kak predmet politekonomicheskogo izucheniya [State as a subject of polytechnic studies]. *Voprosy politicheskoy ekonomii [Problems in Political Economy]*, 1, 35–55. (In Russ.)

Yakovleva, N. G. (2021). Protivorechiya transformatsii i genezis sotsial'no-orientirovannoy modeli obrazovaniya (politiko-ekonomicheskii podkhod) [Contradictions of Transformation and Genesis Socially-Oriented Model of Education (Political Economy Approach)]. *Voprosy politicheskoy ekonomii [Problems in Political Economy]*, 3, 183–197. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5554163> (In Russ.)

Yakovleva, N. G. (2022). Kakie rostki postkapitalizma sposobny obespechit' progress chelovecheskogo potentsiala i tekhnologicheskuyu modernizatsiyu? [What Sprouts of Post-Capitalism are Capable of Ensuring Progress of Human Potential and Technological Modernization?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 9, 110–115. <https://doi.org/10.31857/S013216250021253-1> (In Russ.)

Информация об авторах

Бузгалин Александр Владимирович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета; директор Центра современных марксистских исследований философского факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова; <https://orcid.org/0000-0003-3923-8385> (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46; e-mail: buzgalin@mail.ru).

Барашкова Ольга Владимировна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета, старший научный сотрудник лаборатории исследований цифровой экономики экономического факультета; старший преподаватель Центра современных марксистских исследований философского факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова; <https://orcid.org/0000-0001-6632-1884> (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46; e-mail: olga_barashkova@mail.ru).

About the authors

Aleksandr V. Buzgalin — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics; Director of the Center for Contemporary Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; <https://orcid.org/0000-0003-3923-8385> (1–46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: buzgalin@mail.ru).

Olga V. Barashkova — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate of the Laboratory of Comparative Research of Socio-Economic Systems, Faculty of Economics, Senior Research Associate of the Laboratory for Digital Economy Research, Faculty of Economics; Senior Lecturer of the Center for Contemporary Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; <https://orcid.org/0000-0001-6632-1884> (1-46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: olga_barashkova@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 18.08.2023.

Прошла рецензирование: 31.08.2023.

Принято решение о публикации: 04.12.2023.

Received: 18 Aug 2023.

Reviewed: 31 Aug 2023.

Accepted: 04 Dec 2023.